

ОСНОВУ новой программы ансамбля «Дружба» составляет народная песня.

Удивительное дело! Сколько современных эстрадных песен — советских, французских, польских — по-особенному, с присущими только ей красками, с присущим ей обаянием поет Эдита Пехья. С каким чувством юмора исполняет ансамбль иронические номера (новинка на эстраде!): «вещицу» («Я ласточкой тебя назвала», высмеивающую дурной вкус некоторых авторов и некоторых исполнителей), «Шаланды, полные кефали» и т. д... А все-таки самый большой успех выпадает на долю «Стенки Разина», «На позицию девушка...», «Сама садик я сажала», И—«Метелица». «Метелица» — это пик концерта. После нее выступление идет уже под шквал аплодисментов.

Что же произошло? Известная, популярная в самом широком смысле этого слова, да что там — просто запетая песня получила новую свежесть, оригинальность, новую жизнь. До слушателя заново доходит все щедрое и душевное богатство ее, вся распевность, вся гамма человеческих чувств — от тонкой грусти до задорной лихости.

После концерта я разговаривала с Эдитой Пехьей и руководителем ансамбля Александром Броневицким. Вот наш разговор.

Корреспондент: В чем особенность вашей трактовки народной песни?

Броневицкий: Русская песня и вообще народная песня привлекали нас давно. Несколько лет назад мы показали «Не слышно шуму городского». Мы старались и стараемся в своей работе сохранить душу песни, передать характер народа, ее создавшего. Но в то же время «посадили» мелодию на современный ритмический костяк. А новая программа родилась так. Во время последних гастролей в Чехословакии друзья то и дело просили нас: что-нибудь свое, исконное. А исконного-то у нас и не было. Но в автобусе, во время длинных переездов из города в город, мы пели для себя всякое, в том числе «Метелицу». Я слушал, слушал и услышал...

Корреспондент: Можно ли думать, что это — горизонт, который вы для себя открыли, путь, по которому вы отныне пойдете?

Пехья: Вот вы говорите: горизонт. Нам очень нравится это направление. И публике нравится, мы это чувствуем. Но есть люди, которые говорят, что их оскорбляет какая бы то ни была интерпретация народной песни. Ну и оденете ее в сарафан и поставите памятником на площади — так будет лучше? И потом, что значит одно каноническое толкование в таком живом деле, как песня? Песня живет, когда ее поют, а не когда отмахиваются: а-а, известно, надоело. А «Метелицу», я сама слышала, снова напевают...

Броневицкий: Мы обязательно будем продолжать работать над русской песней. У нас и сейчас готово кое-что, что мы еще не показали в этой программе. Но мы не привыкли выдавать скороспелки... И другие направления нас тоже интересуют. Скажем, условно говоря, песня-плакат. Мы даже считаем себя в какой-то степени родоначальниками этого жанра. Знаете, иногда слышишь в концерте песню и знаешь: певец включил ее только затем, чтобы соблюсти определенный декорум. Две популярные, модные «легкие» мелодии, а одну — для галочки. А мы эту вот песню «для галочки» делаем центральной, несущей основную нагрузку. Потому что, разбавляя по всему Советскому Союзу (кажется, мы не были только на Камчатке), мы ощущаем себя не развлекателями, но пропагандистами. Потому что мы хотим разговаривать с молодежью серьезно о серьезных вещах. Об ответственности поколения, о жизни, о войне. Нам, к примеру, очень хочется сделать программу, посвященную целиком военной песне.

Корреспондент: Очевидно, именно выбор репертура определяет сегодня творческое лицо певца или целого коллектива.

Пехья: Да-да, именно так. Композиторы иногда обижались, но для меня, например, громадный смысл имеет слово в песне.

Броневицкий: Один из ленинградских композиторов написал сейчас для нас замечательную песню, но мы не исполняем ее пока лишь только потому, что нас не удовлетворяет текст.

Корреспондент: И какова же ее судьба?

Броневицкий: Поэт пишет новые слова.

Корреспондент: Извините, но

так, по-моему, можно было бы поступить и еще с одной песней. Я имею в виду песню Колкера на слова Кима Рыжова о советской молодежи. Эти вопросы-ответы: «Ходишь в турпоход? — Да! — Хочешь миллион? — Нет!» — рисуют весьма убогий и примитивный образ.

Пехья: Вы знаете, без преувеличения, на сто песен падает лишь одна, текст которой полностью удовлетворяет. Мне кажется, что у нас вообще еще не выработалось серьезного, достойного отношения к песне. Что я хочу этим сказать? Песня у нас существует как часть эстрады, как номер или несколько номеров концерта наравне с другими жанрами: акробатическими этюдами, чтением стихов и т. д. А вот Франция давно знает культуру шансонье-певца, который несет слушателю свои мысли, свое миропонимание, свое сердце. И его уже не «разбавляют» никакой эстрадой, для которой, кстати, существует свое место: кабаре, мюзик-холлы. Русская песня имеет такую же культуру и такие же, если не больше, права на то, чтобы вот так разговаривать со слушателем. И люди инстинктивно чувствуют эту особенность серьезной песни. Ко мне нередко приходят за куплеты и говорят: «Вы знаете, я не люблю эстраду, но ваши песни — это не эстрада».

Корреспондент: А как же ваши веселые, ритмические песенки?

Пехья: Я сама люблю их петь. Но если раньше мне было легко и весело их исполнять, а в драматической песне, напротив, я очень старалась, и она давалась мне с трудом, то теперь произошло смешение. Я уже с некоторым напряжением веселюсь на сцене, меня чуть-чуть утомляют эти студенческие ритмы. Не физически, а духовно. И все больше и больше занимает, волнует именно серьезная, драматическая песня. В ней мне хочется работать, в ней я знаю, что сказать. Очевидно, и из песни, как из детского платья, можно вырасти.

Тринадцать лет существует ансамбль «Дружба» под управлением Александра Броневицкого. Тринадцать лет его участники пробуют, ищут и находят. Сегодня их творческая позиция, как никогда, интересна и плодотворна.

Ансамбль «Дружба» будет представлять советское искусство на фестивале в Софии.

О. КУЧКИНА.

*Комсомолецкая правда, Москва
1968, 7 июля*